

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВВ.

УДК 821.161.1.0
DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-87-94

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» В РЕЦЕПЦИИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ ПОРУБЕЖЬЯ

А. Н. Кошечко, А. С. Шилова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Предпринята попытка исследования рецепции антропологического идеала в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» русскими религиозными философами порубежной эпохи XIX–XX вв. Аутентичное понимание и интерпретация ключевых идей писателя о человеческом идеале, его ценностях и смысле жизни возможны только в контексте православной антропологии. Важность этого материала не ограничивается осмыслением проблемы антропологического идеала и его влияния на дальнейшее развитие русской религиозно-философской мысли, позволяет исследовать особенности художественного мира романа, в том числе специфику репрезентации в идейном поле произведения авторского начала, мировоззрения писателя.

Материал и методы. Материалом исследования послужили работы В. С. Соловьева «Три речи в память Достоевского», В. В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе», Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского», Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание», канонический текст романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический методы.

Результаты и обсуждение. Наука о Достоевском начинается именно с трудов русских религиозных философов и мыслителей конца XIX – начала XX в., которые идеи о сущности человека, его предназначении, идеале делают содержательным ядром своих размышлений. Итоговый роман Великого Пятикнижия «Братья Карамазовы» как квинтэссенция жизненного и творческого пути Достоевского, неразрывно связанный с духовными и аксиологическими императивами православной антропологии, наиболее часто привлекается религиозными философами для рефлексии ключевых доминант собственных философских концепций, анализа и аргументации идей. Этот материал позволяет исследовать особенности художественного мира романа, специфику репрезентации в идейном поле произведения мировоззрения писателя и авторского начала, антропологического идеала, неразрывно связанного для Достоевского с такими духовными и ценностными доминантами, как Христос, Православие, святость, народность, добро и зло, и выявить его влияние на дальнейшее развитие русской религиозно-философской мысли.

Заключение. Антропологический идеал Достоевского, по мысли религиозных философов, опирается на православное учение о человеке, раскрывающее как антиномичность человеческой природы (pro et contra в терминологии писателя), так и бытийную ее устремленность к Богу, Истине, потребность в добре, вне которых личность осознает свое не-бытие. Доминантами антропологического идеала писателя, которые находят отражение в трудах религиозных философов, становятся святость, красота как этическая доминанта личности, укорененность в ценностях и смыслах христоцентричной в своих основаниях русской культуры.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», «Житие Великого грешника», «Дневник писателя», аксиология, ценности, православие, русская культура, духовность, нравственность, антропологический идеал, святость, агиографическая традиция, В. С. Соловьев, «Три речи в память Достоевского», В. В. Розанов, «Легенда о Великом инквизиторе», Н. А. Бердяев, «Миросозерцание Достоевского», Н. О. Лосский, «Достоевский и его христианское миропонимание».

Введение

Проблема человеческого существования, его нравственных и духовных ориентиров является одной из центральных в художественном и публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского.

По мысли писателя, природа человека состоит из неразрывной и взаимопроникающей связи добра и зла, при этом человек может совершать до-

бровольный сознательный выбор в пользу одного или другого начала в соответствии со своими убеждениями и ценностями. Достоевский уверен, что истинный верный выбор может быть определен идеалом Христа как высшего воплощения человеческой личности. Подобное видение идеала свойственно древнерусской агиографии, которая становится для автора значимым ценностно-смысловым

смысловым ресурсом в формировании как мировоззренческой, так и творческой позиции. Как и авторы житий, Достоевский опирается на православное учение о человеке с отчетливым приоритетом духовного начала, представлением о триединстве человеческой природы (тело-душа-дух), репрезентацией в духовном подвиге Христа высшего предназначения человека – обожения, к которому призваны все люди и весь мир и который обладает потенциальностью духовного единения и преображения. Однако ситуация трагических событий и глубочайших нравственных потрясения пореформенной эпохи требует от писателя исследования не только полюса идеала и абсолютного добра, но и полюса антиидеала – атеистических убеждений, апостасии, сознательного отказа человека от Бога. Достоевский одним из первых авторов в русской литературе начинает говорить об этих страшных и разрушительных для личности процессах, уничтожающих целостность духовного мира, подменяющих ценностные ориентиры антиценностями (бунт, своеволие, разобщенность и др.) и, как следствие, приводящих мир в состояние распада, энтропии, глобальной духовной катастрофы. «Мир с Богом» и «мир без Бога» – два крайних полюса бытия человека, которые исследует Достоевский и воплощает в образах своих героев-идеологов, «мучеников идеи», в их напряженных диалогах о смысле человеческого существования.

Аутентичное понимание и интерпретация этих ключевых для писателя идей возможны только в контексте православной антропологии: «Первоклассный художник, он был в то же время очень глубоким и оригинальным мыслителем, гениально проникавшим в самые сложные тайны человеческого духа; человек глубокой и пламенной веры, пророк православной культуры и один из самых крупных созидателей ее...» [1, с. 226].

В этом отношении особенно значимо, что наука о Достоевском начинается именно с трудов русских религиозных философов и мыслителей конца XIX – начала XX в., которые идеи о сущности человека, его предназначении, идеале делают содержанием ядром своих размышлений: «Религиозные философы, не ставя своей целью собственно литературоведческие изыскания, выявили механизм реализации философского потенциала экзистенциальной антропологии Достоевского в его художественных произведениях и эго-документах. Именно они одними из первых назвали Достоевского родоначальником нового учения о человеке» [2, с. 96]. Не случайно итоговый роман Великого Пятикнижия «Братья Карамазовы» как квинтэссенция жизненного и творческого пути Достоевского (как замечает К. В. Мочульский, «три года длилось лишь художественное воплощение, духовно же

Достоевский работал над романом всю жизнь» [3, с. 491]) наиболее часто привлекается религиозными философами для анализа и аргументации своих идей. Этот материал важен как для осмысления проблемы антропологического идеала и его влияния на дальнейшее развитие русской религиозно-философской мысли, так и для исследования особенностей художественного мира романа, в том числе специфики репрезентации в идейном поле произведения авторского начала, особенностей мировоззрения писателя.

Материал и методы

Материалом исследования послужили работы В. С. Соловьева «Три речи в память Достоевского», В. В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе», Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского», Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание», канонический текст романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». В работе используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический методы.

Результаты и обсуждение

Представители русской религиозной мысли рубежа XIX–XX в. разделяли идеи писателя, видели в нем единомышленника. Его ценностные установки и духовные ориентиры, отраженные как в художественных текстах, так и в эго-документах, являлись важным источником для создания философских концепций.

Выстраивая стратегию анализа философских текстов, нам необходимо акцентировать внимание на ряде принципиальных моментов, без которых невозможно аутентичное исследование рецепции русскими религиозными философами рубежа XIX–XX вв. антропологической идеи Достоевского. Христос, Православие, идеал, святость, народность, добро и зло – важные и основополагающие категории, образующие центральное поле исследования репрезентации проблемы человека в трудах представленных философов. Философы выделяют эти понятия в мировосприятии Достоевского, в качестве необходимых составляющих в определении сущности ценностных координат духовного мира человека.

Владимир Соловьев является одной из ключевых фигур в формировании религиозной философии в России, был лично знаком с Достоевским и, несмотря на большую разницу в возрасте, во многом разделял и поддерживал мировоззренческую позицию писателя. В течение трех лет после смерти Достоевского Соловьев поэтапно создает «Три речи в память Достоевского». Философ неоднократно говорит о своей цели интерпретировать об-

щий смысл всей деятельности писателя, которая заключается в решении неоднозначного по своим аксиологическим основаниям вопроса «о высшем идеале общества и о настоящем пути к его достижению» [4, с. 235]. Философ утверждает, что именно после каторги Достоевский по-новому посмотрел на человека, увидел его нравственный стержень, способный привести к возрождению: «Эта нравственная сила, обновленная соприкосновением с народом, дала Достоевскому право на высокое место впереди нашего общественного движения не как служителю злобы дня, а как истинному двигателю общественной мысли» [4, с. 236].

По мнению В. С. Соловьева, именно эти события послужили для писателя опорной точкой на пути к поиску положительного общественного идеала, который оформляется в творчестве писателя постепенно, обретает все большую четкость и рельефность с каждым последующим произведением, достигая своего вершинного воплощения в «Братьях Карамазовых» в образе Церкви и связанной с ней идеей «вселенской правды»: «Окончательный идеал и цель не в народности, которая сама по себе есть только служебная сила, а в Церкви, которая есть высший предмет служения, требующий нравственного подвига не только от личности, но и от целого народа. Итак, Церковь как положительный общественный идеал, как основа и цель всех наших мыслей и дел и всенародный подвиг как прямой путь для осуществления этого идеала – вот последнее слово, до которого дошел Достоевский и которое озарило всю его деятельность пророческим светом» [4, с. 240].

Такое понимание Церкви «как положительного общественного идеала должно явиться центральной идеей нового романа или нового ряда романов, из которых написан только первый – „Братья Карамазовы“» [4, с. 239]. Предполагалось, что «Житие Великого грешника», которое так и осталось незавершенным, станет логическим продолжением «Братьев Карамазовых» и позволит вывести решение вопроса о Церкви как духовном идеале русского народа на новый уровень.

По мысли В. С. Соловьева, масштаб заявленной проблемы связан еще и с тем, что идеал – это плод не интеллектуальных усилий отдельных человеческих умов, а результат действия и опытной проверки ходом самой жизни многовековой «общественной правды», которая «коренится во всенародном чувстве», «имеет значение религиозное» и «необходимо связана с верой Христовой, с идеалом Христа. Существование отдельной личности невозможно в отрыве от народного сознания, которое не может существовать без религиозной истины» [4, с. 236]. Именно эта религиозная в своих основаниях «общественная правда» воплощается в образе

старца Зосимы, который говорит о народной общности и сплоченности как высших ориентирах человеческого достоинства: «Лишь народ и духовная сила его грядущая обратит отторгнувшихся от родной земли атеистов наших. И что за слово Христово без примера? Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия» (т. 14, с. 267) (ссылки на источник [5] даются в круглых скобках с указанием тома и страницы). С этой идеей связана воплощенная в образах старца Зосимы и Алёши Карамазова важная для Достоевского идея святости и праведничества, уникального духовного феномена православной традиции, которая говорит о возможности духовного преображения, нравственного подвига как «высшего предмета служения» для человека, через покаяние, осознанный выбор в пользу добра, восстановления Образа Божия через синергию, со-работничество. Старец Зосима в помыслах и поступках своих стремиться быть близким к нравственному идеалу, к чему и призывает других. Старец Зосима с благоговением относится к каждому человеку, в своих обращениях к людям призывает любить и уважать друг друга: «Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас» (т. 14, с. 286). Для Алёши мировосприятие Зосимы становится определенным ориентиром на пути к обретению истинной духовности.

Отдельное внимание философ уделяет идее Достоевского об амбивалентности человеческой природы, способной вмещать в себя взаимоисключающие категории добра и зла. Добро в человеке нераздельно связано с Богом как высшим духовным Абсолютом, Истиной, добротой, красотой, которая в аксиологической системе писателя является категорией нравственно-этической, а не эстетической: «Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение уже во всем есть конец, и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [4, с. 242].

В противоположность добру и красоте зло обладает разрушительной силой, направленной против самого человека, приводит его к безумию, утверждению абсурда («мир без Бога»), насилия и хаоса: «Последнее дело безбожного человека есть убийство или самоубийство. Человек вносит в природу злобу и берет от нее смерть» [4, с. 255]. Носителями такого разрушительного начала, противоположного христианскому идеалу и идее «общественной правды» старца Зосимы, выступают в романе Иван Карамазов и Смердяков, который становится исполнителем идеи и совершает два страшных греха – отцеубийство и следующее за ним са-

моубийство. Зло как саморазрушительная сила для Ивана, мощнейшего из всей плеяды героев-идеологов Достоевского, создавшего безупречную с точки зрения логики безбожного сознания философскую теорию атеизма, персонифицируется в одной из кульминационных сцен романа, раскрывающих суть самого феномена антидуховности, – диалоге с чертом (показательно само название главы – «Черт. Кошмар Ивана Фёдоровича»). Примечательно, что в эпизоде, где происходит осознание Иваном ужаса и непоправимости, содеянного им, автор не дает описания его душевного состояния после пережитого потрясения. Подобная холодность, оскудение чувств указывают на деформацию способности к духовной жизни, которая основывается на понимании и четком разграничении для личности греха как состояния омертвения и благодати как состояния жизни: «Это сознание своей греховности, неспособность возводить свое несовершенство в закон и право и успокаиваться на нем, отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвига» [4, с. 245]. Но в то же время внешнее равнодушие молодого человека не может скрыть необратимость внутреннего губительного процесса – абсолютной потери нравственного идеала.

Об антропологическом идеале Достоевского рассуждает в своей работе «Достоевский и его христианское миропонимание» и Н. О. Лосский: «В жизни и творчестве Достоевского религиозный идеал святости занимает господствующее положение <...> в его произведениях высшие положительные образы воплощают святость или, по крайней мере, движение к ней» [6, с. 174]. Святость как высшее воплощение духовного начала в человеке, «подлинный идеал русского народа» неразрывно связана для писателя с русской православной традицией и воплощается в образах героев романа «Братья Карамазовы». Важно, что авторский голос никогда не дает читателю прямых указаний, положительных или отрицательных характеристик героев, святости или греховности, не осуждает их. Читателю предлагается вместе с автором самостоятельно пройти весь процесс становления самосознания героя, со-пережить этот трудный процесс, ситуации предельного эмоционального напряжения, переломные моменты внутренней борьбы между помыслами и чувствами, разумом и душой, pro et contra. Этот выбор поляризируется Достоевским через аксиологические антиномии: с одной стороны, полюс духовных ценностей Православия, воплощенных в образах «душевнотворных людей» Алёши Карамазова и старца Зосима – живые примеры подлинной праведности и любви к Богу (даже их сомнения, неизбежные для процессов духовного становления личности, становятся проявлением «силы духа все испытующего и требующе-

го понятного ответа на вопрос, как возможно мировое зло рядом с бытием Бога» [6, с. 317]); с другой стороны, духовный антимир и герои-провокаторы Иван Карамазов, Фёдор Павлович Карамазов и Смердяков, носители и трансляторы антиценностей, различных вариантов утраты веры в Бога.

Воплощением подобной антиномии становится, в частности, одна из репрезентативных и наиболее значимых для понимания произведения конклавных сцен романа, которая происходит в келье старца Зосимы (глава «Старый шут»). Фёдор Павлович сознательно провоцирует присутствующих своим демонстративно развязным поведением, шутками о вере и неверии в Бога, снижая важность как самой встречи, так и тех ценностей, которые воплощает старец Зосима, пространство монастыря как воплощение Высшего горнего мира и связанных с ним духовных Абсолютов. Провокационным поведением в вопросах веры в Бога и признания Церкви как духовного авторитета и единения верующих отличаются и другие герои: Иван Карамазов, незаконнорожденный сын Фёдора Павловича Карамазова – Смердяков. При всей видимой разнице, всех этих героев объединяют общие ценностные установки, которые в итоге ведут не к духовному возрастанию и обожению, а к утрате нравственного идеала, бездуховности и саморазрушению.

По убеждению Н. О. Лосского, этот процесс деформации, глубочайшего внутреннего кризиса, приводящего к подчас необратимой душевной и духовной дисгармонии, имеет важную первопричину – разрыв человека с традициями своего народа, отказ от внутренней причастности к его ценностям и культуре: «Истинное духовное просвещение народа берет свои истоки от принятия Христа как своего идеала, а также сохранения почитания наследия о святых. Русские святые становятся для народа носителями высоких идеалов» [7, с. 206].

Подтверждение этой важной идеи философа мы неоднократно встречаем в «Дневнике писателя», на страницах которого Достоевский прямо говорит об опасности духовного и культурного беспамятства как ценностной самоутраты личности и всего русского народа в целом: «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?». И далее: «Основные нравственные сокровища духа, в основной

сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы» (т. 26, с. 130).

Философ подчеркивает, что для Достоевского после каторги и военной службы в Сибири во всей полноте раскрываются лучшие свойства русского народа (подлинная духовная свобода, поиски добра и добродетелей, стремление к святости, любовь к своей стране и ее народу и др.), которые в своем глубинном основании определяются его христоцентричностью: «Достоевский высоко ценит русский народ именно за то, что путеводною звездой для него служит настоящая святыня, Христос» [6, с. 61].

По мысли философа, изображение безусловно положительного типа святости не ограничивалось в сознании писателя романом «Братья Карамазовы»: в неосуществленном романе «Житие Великого грешника» Достоевский ставил перед собой глобальную, качественно новую для своего творчества задачу – изобразить «величавую, положительную, святую фигуру Тихона Задонского» [6, с. 204].

Исследование Достоевским человека и его судьбы становится идейным центром философской рецепции Н. А. Бердяева в глубоком и системном исследовании «Миросозерцание Достоевского». Философ обращает внимание на важнейшую доминанту художественного универсума писателя – раскрытие своеобразия духовного строения русского народа: «Достоевский отражает все противоречия русского духа, всю его антиномичность, допускающую возможность самых противоположных суждений о России и русском народе <...> Это значит, что они не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры, что дух их устремлен к конечному и предельному. Это – два полюса, положительный и отрицательный, выражающие одну и ту же устремленность к концу» [8, с. 318]. Православная антропология с ее устремленностью к Истине и приоритетом духовного начала над душевным и телесным позволяет рассматривать и изображать человека не только как «психологическое», но и, в первую очередь, как «духовное существо»: «Дух не вне человека, а внутри человека. Достоевский утверждает безграничность духовного опыта, снимает все ограничения, сметает все сторожевые посты. Духовные дали открываются во внутреннем имманентном движении. В человеке и через человека постигается Бог» [8, с. 335].

Опираясь на эту антропологическую доминанту, Н. А. Бердяев предлагает следующую классификацию героев романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «светлые» (Алеша Карамазов, старец Зосима) и противостоящие им в своих помыслах и поступках «темные», «проявления зла», которые «не имеют дальнейшей человеческой судьбы» [8, с. 394] (Фёдор Павлович как олицетворение разру-

шения личности, Иван Карамазов – «проблема человека вообще», яркое воплощение русского нигилизма, Смердяков. Ср.: «Иван совершает грех в духе, в мысли, то Смердяков совершает его на деле» [9, с. 22]). Каждый из героев проходит через испытание злом, которое становится в романе Достоевского «испытанием человеческой свободы» [8, с. 385], обнаруживающим подлинную сущность личности, умение или неумение противостоять этому разрушительному внутреннему вызову. Старец Зосима и Алеша смогли одержать наивысшую победу: они «познали зло и пришли к высшему состоянию» [8, с. 387], потому что для них свободны выбираемым ориентиром к спасению становится подлинный и свободный путь ко Христу [8, с. 352].

Эту тему духовного возрождения и спасения как одного из важнейших антропологических идеалов писателя продолжает В. Розанов: «Никто не дал такого „утверждения православию“, как он. Это – всем памятно. Это – поразительно. Он трудился, ежедневным тяжелым трудом трудился, как подлинный сын своей родины, с глубоким ей послушанием, с глубокою о ней заботою» [10, с. 598]. В очерке «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» Розанов в наивысшей степени раскрывает позицию Достоевского в вопросе веры в Бога, на что указывают слова из записной книжки писателя незадолго до его смерти («Моя осанна сквозь горнило испытаний прошла») и отсылка к тексту «Легенды», «совершенная отдельность легенды от романа и вместе центральное ее положение не только в нем, но и во всем длинном ряде его произведений – все это не оставляет в нас более сомнений насчет истинного ее смысла» [11, с. 100]. Василий Розанов признает главу «Легенда о Великом инквизиторе» философским центром романа «Братья Карамазовы».

Философ размышляет об антропологическом идеале Достоевского через анализ Алёши Карамазова как образ нового человека. Это образ героя нравственного, который «в высшей степени замечателен по той обрисовке, которая ему придана», «улучшенная версия» Князя Мышкина, такой же «чистый и безупречный», но при этом он не только наблюдает жизнь, а становится непосредственным ее участником: «...натура Алёши прежде всего деятельна и одновременно с этим она также ясна и спокойна» [11, с. 23]. И здесь мы видим совершенно иную систему группировки персонажей: Алеша и Митя при всей их непохожести близки в стремлении к идеалу, в стремлении нравственно реализоваться и стать достойными; Иван и Смердяков воплощают стремление к антиидеалу и саморазрушению: «Если Димитрий Карамазов, порочный и не-

счастливый, возрождается к жизни вследствие того, что в основе его все-таки лежит доброе, – то Иван, которому извне открывается широкий путь жизни, несмотря на высокое развитие, несмотря на сильный характер, все-таки стоит при начале того уклона, по которому скользнул и умер Смердяков» [11, с. 49]. Эту квинтэссенцию бездуховности Иван слышит от черта, зримого воплощения темной стороны собственной личности: «Раз человечество отречется поголовно от Бога <...>, то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое. <...> Человек возвеличится духом Божеской, титанической гордости и явится человеко-бог» (т. 5, с. 83). Это взгляд со стороны на собственную идеологию ужасает ее создателя: все «новое», к чему можно прийти через богоборчество, не имеет под собой духовной основы, несет лишь разрушение, без четкого представления о светлом, лучшем будущем, которого фактически и нет, а есть только небытие.

Однако, как считает В. В. Розанов, главный вопрос, который «мучил» писателя «сознательно и бессознательно» на протяжении всей жизни, – существование Божие как идейная основа написанных и потенциальных частей романа «Братья Карамазовы» так и не получил ответа: «...в „Братьях Карамазовых“ изображено только, как умирает старое; а то, что возрождается, хотя и очерчено, но сжато и извне; и как именно происходит самое возрождение – эта тайна унесена Достоевским в могилу» [8, с. 53]. Изображение обновленного человека и вместе с ним нового мира длилось на протяжении всей жизни писателя и «должно было наконец появиться в последующих томах „Братьев Карамазовых“; но, за смертью автора, этому не суждено было сбыться. Важнейшую задачу своей жизни он только наметил, но не выполнил» [11, с. 53].

Заключение

Исследование представлений русских религиозных философов порубежной эпохи XIX–XX вв. об антропологическом идеале Достоевского в романе «Братья Карамазовы» позволяет сделать следующие выводы:

1. Художественное воплощение идеала неразрывно связано с ценностно-мировоззренческой позицией писателя, которая опирается на православное учение о человеке с отчетливым приоритетом духовного начала, представлением о триединстве человеческой природы (тело-душа-дух), репрезентацией в духовном подвиге Христа высшего предназначения человека – обожения, к которому призваны все люди и весь мир и который обладает по-

тенцией духовного единения и преображения. Поэтому «возникает необходимость привлечения биографических источников для изучения ценностно-мировоззренческой позиции Достоевского, сопоставительного анализа с аксиологическим вектором мышления древнерусского человека с отчетливым иерархическим приоритетом духа и духовных императивов. Это позволит обнаружить новые смыслы в формах и способах рецепции житийных первоисточников в поздних произведениях писателя, но и выработать стратегию интерпретации и понимания его религиозно-философских идей» [12, с. 131].

2. Характерология романа раскрывает представление Достоевского об амбивалентности и антиномичности человеческой природы, которая способна вмещать в себя взаимоисключающие категории добра и зла. Добро в человеке нераздельно связано с Богом как высшим духовным Абсолютом, Истиной, добротой, красотой, которая в аксиологической системе писателя является категорией нравственно-этической, а не эстетической.

3. Святость в ценностно-мировоззренческой системе и художественном универсуме Достоевского репрезентируется как высшее воплощение духовного начала в человеке и определяет основные способы создания образов героев романа через систему аксиологических антиномий (ценности и антиценности, «мир с Богом» и «мир без Бога», добро и зло и др.). Религиозность как одно из базовых качеств русского национального характера, свойство русской души является, по мнению писателя, источником возрождения России, изменения нравственно-психологического облика русского народа в целом. Эта идея получает свое дальнейшее развитие в трудах религиозных философов, которые обращаются к ней в новом историческом контексте, стремясь осмыслить причины трагических национальных катаклизмов, судьбу России, русского народа и его культуры в мировом масштабе [7, 9, 10].

4. Христоцентричность русской культуры и степень приобщенности к ней становятся для Достоевского важной антропологической характеристикой, определяющей духовные потенции личности, которая свободна в своем выборе и может сознательно направить себя как к полюсу созидания и свободы, так и к полюсу кризиса, духовной дисгармонии и саморазрушения.

5. Авторский голос не дает читателю прямых и однозначных характеристик героев, предлагает сопережить трудный процесс становления самосознания героя, переломные моменты внутренней борьбы между помыслами и чувствами, разумом и душой, *pro et contra*.

Список литературы

1. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Paris: YMCA-Press, 1926. 278 с.
2. Кошечко А. Н. Творчество Ф. М. Достоевского в идейном пространстве гуманистической антропологии русского экзистенциализма // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 96–103.
3. Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1980. 561 с.
4. Соловьев В. С. Смысл любви: избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М.: Современник, 1991. 525 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
6. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
8. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Эксмо, 2016. 512 с.
9. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. Репринтное воспроизведение изд. 1918. М., 1990. С. 55–89.
10. Розанов В. В. О писательстве и писателях / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 734 с.
11. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария с приложением двух этюдов о Гоголе // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 15–162, 803–820.
12. Шилова А. С., Кошечко А. Н. Агиографическая традиция в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале «Жития Великого грешника», романа «Братья Карамазовы»): к постановке проблемы // Вест. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 9 (209). С. 128–135.

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru.

Шилова Алина Сергеевна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: na4arova.lina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.11.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-87-94

ANTHROPOLOGICAL IDEAL IN THE NOVEL BY DOSTOYEVSKY “THE BROTHERS KARAMAZOV” IN THE RECEPTIONS OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS OF THE FRONTIER

A. N. Koshechko, A. S. Shilova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. This article attempts to study the reception of the anthropological ideal in the novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov” by Russian religious philosophers of the late 19th–20th centuries. Authentic understanding and interpretation of the writer’s key ideas about the human ideal, its values and the meaning of life is possible only in the context of Orthodox anthropology. The importance of this material is not limited to comprehending the problem of the anthropological ideal and its influence on the further development of Russian religious and philosophical thought; moreover, it allows one to explore the peculiarities of the artistic world of the novel, including the specifics of the representation of the author’s principle in the ideological field of the work, the peculiarities of the writer’s worldview.

Material and methods. The research material was the work of V. S. Solovyov “Three Speeches in memory of Dostoevsky”, V. V. Rozanov “The Legend of the Grand Inquisitor”, N. A. Berdyaeva “Dostoevsky’s worldview”, N. O. Lossky “Dostoevsky and his Christian worldview”, the canonical text of the novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. The work uses cultural and historical, comparative, structural and typological methods.

Results and discussion. The science of Dostoevsky begins precisely with the works of Russian religious philosophers and thinkers of the late XIX – early XX centuries, which ideas about the essence of man, his purpose, ideally make him a meaningful core of his thoughts. The final novel of the Great Pentateuch “The Brothers Karamazov” as a quintessence of Dostoevsky’s life and creative path, inextricably connected with the spiritual and axiological imperatives of Orthodox anthropology, is most often attracted by religious philosophers to reflect key dominants of their own philosophical concepts, analyze and argue ideas. This material allows us to explore the features of the artistic world of the novel, the specifics of representation in the ideological field of the work of the writer’s worldview and author’s beginning, the features of the anthropological ideal, inextricably linked for Dostoevsky with such spiritual and value dominants as Christ, Orthodoxy, holiness, nationality, good and evil, and to identify its influence on the further development of Russian religious and philosophical thought.

Conclusion. Dostoevsky's anthropological ideal, according to religious philosophers, is based on the Orthodox doctrine of man, revealing both the antinomy of human nature («pro et contra» in the writer's terminology) and its previous striving for God, Truth, the need for good, outside of which the person is aware of his non-existence. The dominants of the anthropological ideal of the writer, which are reflected in the works of religious philosophers, are holiness, beauty as the ethical dominant of the person, and reproach in the values and meanings of Christ-centered Russian culture in their foundations.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, "The Brothers Karamazov", "Life of the Great Sinner", "A Writer's Diary", axiology, values, Orthodoxy, Russian culture, spirituality, morality, anthropological ideal, holiness, hagiographic tradition, V. S. Soloviev, "Three Speeches in Memory of Dostoevsky", V. V. Rozanov, "The Legend of the Grand Inquisitor", N. A. Berdyaev, "Dostoevsky's worldview", N. O. Lossky, "Dostoevsky and His Christian Worldview".

References

1. Zen'kovskiy V. V. *Russkiye mysliteli i Evropa: Kritika evropeyskoy kul'tury u russkikh mysliteley* [Russian Thinkers and Europe: Critique of European Culture by Russian Thinkers]. Paris, YMCA-Press Publ., 1926. 278 p. (in Russian).
2. Koshechko A. N. Tvorchestvo F. M. Dostoyevskogo v ideynom prostranstve gumanisticheskoy antropologii russkogo ekzistentsializma [F. M. Dostoyevskiy's Creativity in Ideological Space of Humanistic Anthropology of the Russian Existentialism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 9, pp. 96–103 (in Russian).
3. Mochul'skiy K. V. *Dostoyevskiy: Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky: Life and Work]. Paris, YMCA-Press Publ., 1980. 561 p. (in Russian).
4. Solov'ev V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [The Meaning of Love: Selected Works. Compiler, introductory article, comments by N. I. Tsimbaev]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 702 p. (in Russian).
5. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986 (in Russian).
6. Losskiy N. O. *Dostoyevskiy i ego khristianskoye miroponimaniye* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York, Izdatel'stvo im. Chekhova Publ., 1953. 406 p. (in Russian).
7. Losskiy N. O. *Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki; Kharakter russkogo naroda* [Conditions of absolute goodness: Fundamentals of ethics; The character of the Russian people]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p. (in Russian).
8. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya. Mirosozertsaniye Dostoyevskogo* [Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 512 p. (in Russian).
9. Berdyaev N. A. Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian Revolution]. From: Askol'dov S. A., Berdyaev N. A., Bulgakov S.A. et al. *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya (1918)* [From the Depths: Collection of Articles on the Russian Revolution. Reprint reproduction edition (1918)]. Moscow, Moscow University Publ., 1990. Pp. 55–89 (in Russian).
10. Rozanov V. V. *O pisatel'stve i pisatelyakh. Pod redaktsiyey A. N. Nikolyukina* [About writing and writers. Edited by A. N. Nikolyukin]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 734 p. (in Russian).
11. Rozanov V. V. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoyevskogo. Opyt kriticheskogo kommentariya s prilozheniyem dvukh etyudov o Gogole [The legend of the Grand Inquisitor F. M. Dostoevsky. Experience of critical commentary with the addition of two etudes about Gogol]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 35 tomakh. T. 1* [Complete Works: in 35 volumes. Vol. 1]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2014. Pp. 15–162 803–820 (in Russian).
12. Shilova A. S., Koshechko A. N. Agiograficheskaya traditsiya v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo (na materiale «Zhitiya Velikogo greshnika», romana «Brat'ya Karamazovy»): k postanovke problem [Hagiographic tradition in the work of F. M. Dostoevsky (on the material "The Life of the Great Sinner", the novel "The Brothers Karamazov"): to the statement of problems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 9, pp. 128–135 (in Russian).

Koshechko A. N., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk University State Pedagogically (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru.

Shilova A. S., Postgraduate Student, Tomsk University State Pedagogically (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: na4arova.lina@yandex.ru